

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Voennyi Sbornik
Has been issued since 1858.
ISSN: 2309-6322
Vol. 5, No. 3, pp. 159-166, 2014

DOI: 10.13187/issn.2309-6322

www.ejournal6.com

UDC 93/94

Stalingrad and the North Caucasus: Two Counter-Offensives. The Experience of Interaction by Soviet Troops during an Operation on Encircling and Destroying the Stalingrad Enemy Forces. November-December 1942

Alexey Yu. Bezugolnyy

Research Institute of Military History of the Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation, Russian Federation
PhD (History), Senior Researcher
119330 Moscow, University Avenue, 14
E-mail: besu111@yandex.ru

Abstract

This article provides an analysis of the efforts to arrange strategic interactions between the Stalingrad line fronts and the Transcaucasian front, which was defending the North Caucasus. Not long before the commencement of the counter-offensive under Stalingrad in mid-November 1942, the Transcaucasian front was assigned the task to encircle and destroy the main body of the German First Panzer Army, which was operating on the Grozny-Baku line. However, due to a number of objective and subjective reasons, the plan failed to be turned into reality.

Keywords: Battle of the Caucasus; Stalingrad; Northern forces of the Transcaucasian front; I.V. Tyulenev; I.I. Maslennikov.

Введение

Со второй половины сентября 1942 г. Ставка ВГК, Генеральный штаб и руководство фронтов сталинградского направления приступили к планированию и подготовке контрнаступления против сталинградской группировки немецких войск и их союзников. Советское командование учитывало, что успешные действия Красной армии вынудят противника для спасения ситуации перебрасывать сюда войска с других участков советско-германского фронта, что могло бы поставить под угрозу срыва ход операции. С целью воспрепятствования этому было решено провести ряд вспомогательных операций на других участках советско-германского фронта с целью сковывания сил противника. Наиболее крупная группировка врага действовала на тот момент в районе ржевско-вяземского выступа к западу от Москвы. Однако Ставка исключала возможность быстрой переброски крупных сил с западного и северо-западного направлений на юг, поскольку для этого требовалось много времени. Кроме того, наличие крупных группировок советских войск в этих районах настораживало германское командование. Поэтому решение на наступление действовавших в этом районе войск Западного и Калининского фронтов было принято только 13 ноября, на планирование и подготовку контрнаступления на западном направлении было выделено около двадцати дней, а директива на наступление была подписана только 8 декабря 1942 г.

Северокавказская группировка противника была меньше, чем ржевско-вяземская, но находилась значительно ближе к району Сталинграда и имела в своем составе значительное

количество подвижных соединений, которые гитлеровское командование могло использовать для деблокирования намечавшихся к окружению войск 6-й и 4-й танковых армий под Сталинградом. Большая часть моторизованных войск действовала в составе 1-й танковой армии против Северной группы войск Закавказского фронта – три танковых (3, 13-я и 23-я) и одна моторизованная дивизия (дивизия СС «Викинг»), а также моторизованное Особое соединение «Ф», что составляло около трети от всех имевшихся у противника подвижных соединений на южном крыле советско-германского фронта. Эти обстоятельства вызывали необходимость проведения вспомогательной наступательной операции также и на этом участке советско-германского фронта, причем синхронно с действиями фронтов сталинградского направления.

Материалы и методы

В основе статьи лежит анализ неопубликованных и опубликованных документов Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ). В первую очередь, это приказы Ставки ВГК и директивы Генерального штаба РККА, переписка и переговоры Ставки с командованием Закавказского фронта, связанные с подготовкой вспомогательной контрнаступательной операции на Северном Кавказе. Исследование опирается на принципы историзма, системный и историко-географический подходы.

Обсуждение

Со второй половины октября советское верховное командование начало втягивать Закавказский фронт в орбиту подготовки зимнего стратегического наступления. Ставка ВГК и Генеральный штаб непосредственно руководили планированием операции Северной группы войск Закавказского фронта. 25 октября план операции Северной группы по окружению и уничтожению моздокско-малгобекской группировки противника (основных сил 1-й танковой армии вермахта) был отправлен в Москву, и уже вечером того же дня директивой Ставки № 170680 за подписями И.В. Сталина и А.М. Василевского план был утвержден, при этом в него были внесены существенные дополнения. Ставка определила дату готовности войск – 3 ноября, а начало наступления должно было быть определено «специальным распоряжением Ставки». Очевидно, эта дата увязывалась по времени с началом наступательных действий фронтов Сталинградского направления, которые также первоначально планировались на начало ноября (9–10 ноября).

Однако дата наступления была сорвана начавшимся 25 октября и ставшим неожиданным наступлением немецких и румынских войск на Нальчик и Орджоникидзе. Заканчивавшие сосредоточение в исходных районах войска в срочном порядке были переброшены в район Орджоникидзе. Серьезные ошибки в оценке сил, группировки и намерений противника, допущенные командованием Северной группы войск при планировании собственных действий на конец октября – ноябрь 1942 г., обернулись не только неожиданным для советского военного руководства прорывом врага фронта 37-й армии и выходом его на подступы к Орджоникидзе, но и тем, что подготовка вспомогательной контрнаступательной операции была отложена почти на две недели и затем продолжилась в условиях острого цейтнота, что не могло не сказаться негативно на ее осуществлении.

До 11 ноября Северная группа войск проводила Нальчикско-Алагирскую оборонительную операцию, в ходе которой была разгромлена 13-я танковая дивизия, полк «Бранденбург», серьезный урон нанесен 23-й танковой дивизии врага. Однако полностью уничтожить их не удалось. Вскоре танковые соединения противника восстановили боеспособность и сумели остановить начавшееся в развитие успеха в районе Орджоникидзе контрнаступление войск советской 9-й армии. Следует отметить, что в период Нальчикско-Алагирской оборонительной операции войска Северной группы объективно выполняли задачу по сковыванию сил противника, поскольку в наступательных действиях были заняты основные подвижные силы 1-й танковой армии противника. После разгрома немецких войск под Гизелью проводившаяся в его развитие контрнаступательная операция войск 9-й армии не достигла успехов и, к тому же, имела частный характер; задача поставить под угрозу всю противостоящую Северной группе войск группировку противника не ставилась.

В преддверии контрнаступления под Сталинградом требовалась операция большого масштаба, которая бы позволила выполнить главную и чрезвычайно важную для успеха наступления под Сталинградом задачу надежного сковывания всех сил врага на Кавказе, недопущения их переброски на Дон.

После начала Нальчикской оборонительной операции вопрос о контрнаступлении войск Северной группы вновь был поднят 5 ноября, когда И.В. Сталин, обеспокоенный развитием ситуации под Орджоникидзе, позвонил командующему фронтом для ознакомления с обстановкой и его соображениями относительно обороны города. В заключении разговора, вспоминает генерал армии И.В. Тюленев, Верховный пригласил его и И.И. Масленникова «в случае удачи» в Москву. 11 ноября, когда исход боев под Гизелью стал ясен, командующему Закавказским фронтом генералу армии И.В. Тюленеву было предписано «в ближайшие дни» вылететь в Ставку, «имея при себе план дальнейших наступательных действий на Кавказе» [1, с. 140].

15 ноября командующий фронтом отправил в Москву «План разгрома моздокской группировки», а вскоре после этого сам вылетел в Ставку для доработки и утверждения плана. Из-за сложностей дороги Тюленев прибыл в Москву лишь спустя несколько дней и был принят И.В. Сталиным 19 ноября, то есть в день начала операции под Сталинградом [Дата установлена по журналу посещений Верховного Главнокомандующего в его кабинете в Кремле. – см.: 2; с. 275]. По воспоминаниям И.В. Тюленева, Верховный «в общих чертах» проинформировал его о предстоящей Сталинградской операции и приказал готовиться к наступлению на Кавказе [3, с. 195].

Целью предстоящей операции назывался разгром противника, восстановление положения по реке Терек и создание условий для взаимодействия Северной и Черноморской групп для уничтожения майкопско-краснодарской группировки врага. Данный план в основном повторял уже одобренный ранее приказом командующего Северной группы войск № 0170/оп от 25 октября план контрнаступления войск Северной группы, реализация которого была сорвана прорывом противника под Нальчиком [4, л. 229-232.]. Как и прежде задачей операции было разъединить войска 1-й немецкой танковой армии на части, лишённые взаимодействия и уничтожить их по одиночке. Предполагалось одновременно нанести по противнику три удара: двумя стрелковыми корпусами 44-й армии по ближним тылам вражеских войск в направлении Каленков, Кречетов, Авалов, Моздок, двумя стрелковыми корпусами 9-й армии, усиленных танками – вдоль Терского хребта на Арик. Основные задачи на этих направлениях возлагались на надежные, испытанные в боях 10-й и 11-й гвардейские корпуса. Остальные два корпуса были сформированы из стрелковых бригад, поступивших ранее из резерва Ставки. Сама корпусная организация предназначенных к наступлению войск была призвана облегчить управление. Намечался также кавалерийский рейд по глубоким тылам противника с выходом на его основные коммуникации в районе Георгиевск. Целью рейда было дезорганизовать тылы и управление противника, способствовать его окружению и разгрому. После неудачных рейдовых действий в этом направлении Отдельного кавалерийского корпуса в сентябре 1942 г. и 4-го гвардейского корпуса в октябре-ноябре 1942 г., проводившихся небольшими силами и плохо обеспеченных средствами усиления, предполагалось сформировать целую Конную армию по типу конных армий времен Гражданской войны, хорошо зарекомендовавших себя как эффективное средство воздействия на оперативные тылы противника. Конармия должна была стать крупным кавалерийским объединением в составе семи кавдивизий, располагающим достаточным количеством собственной авиации, танков и артиллерии. В замысле предстоящего контрнаступления ей отводилась ключевая роль. Автором столь необычной для эпохи Второй мировой войны идеи был бывший буденновец И.В. Тюленев. Вопрос о сформировании Конной армии отдельно обсуждался в Ставке и после учета замечаний Генерального штаба был решен положительно [5, л. 197]. Ставка обещала выделить для Конармии одну авиадивизию [6, с. 449].

Вопрос о Конной армии еще слабо изучен в исследовательской и мемуарной литературе. Автором столь необычной для эпохи второй мировой войны идеи был бывший буденновец генерал армии И.В. Тюленев. Любопытно отметить, что ядро как командного, так и рядового состава включенных в новое кавалерийское объединение казачьих дивизий также составляли ветераны 1-й Конармии С.М. Буденного и красные партизаны периода Гражданской войны

[7, с. 20; 8, с. 70]. Комфронта и ранее неоднократно предлагал Ставке использовать уже имевшиеся крупные кавалерийские силы на левом берегу Терека, однако тяжелые оборонительные бои не позволяли высвободить кавалерийские соединения с других участков фронта.

В середине октября он смог добиться разрешения высшего командования на перевод на моздокское направление, где уже действовал корпус Н.Я. Кириченко, еще трех кавалерийских дивизий из предгорий Кавказа, где невозможно было использовать их преимущество как подвижных войск. Теперь встал вопрос о наиболее целесообразной форме их организации. Сталин с большим интересом отнесся к предложению о создании Конной Армии. По воспоминаниям С.М. Штеменко в двадцатых числах октября на одном из заседаний Ставки во время обсуждения предложений командующего Закавказского фронта он заметил: «А и в самом деле, не создать ли нам конармию?» – и тут же поручил заместителю начальника Генерального штаба генералу Ф.Е. Бокову проанализировать этот вопрос в Генштабе [9, с. 125]. Далее Штеменко пишет, что по итогам изучения этой «очень соблазнительной» идеи Генеральный штаб сделал отрицательное заключение, указав, что «конница уже неспособна к лихим атакам и глубоким рейдам из-за уязвимости от огня автоматического оружия, наличия у противника большого количества танков, трудностей снабжения фуражем и по многим другим причинам» (имелась ввиду также чрезвычайно высокая уязвимость кавалерии с воздуха) [9, с. 125]. Таким образом «эта громоздкая организация... не оправдывает возложенные на нее надежды» [9, с. 126]. В то же время специалисты Генерального штаба считали достаточно плодотворной идею использования конницы в составе временных конно-механизированных групп при достаточном обеспечении их танками и воздушной поддержкой [9, с. 126]. И.В. Сталин согласился с этими доводами.

Однако в воспоминаниях Штеменко содержится существенная неточность: вопрос о Конной армии не только не был закрыт, но получил в ближайшее же время интенсивное развитие. Уже в ходе планировании наступательной операции Северной группы войск в конце октября Ставка одобрила формирование Конной армии, но из-за того что 4-й гвардейский кавкорпус, управление которого должно было быть развернуто в армейское управление, был занят в очередном рейде по тылам противника, было отложено «до окончания операции». К этому времени должны были прибыть и части усиления, предназначенные для Конной армии Ставкой [10, с. 359]. 12 ноября директивой Ставки ВГК № 170687 план формирования Конной армии, предложенный И.В. Тюленевым, был утвержден, назначен командующий армией – командир 4-го гвардейского кавалерийского корпуса генерал-лейтенант Н.Я. Кириченко и его заместители – генерал-майор А.Г. Селиванов и генерал-майор Тимофеев; начальником штаба армии стал генерал-майор Дудко. Этой же директивой Ставка, приняв во внимание приведенные выше замечания Генерального штаба, решила выделить в распоряжение командующего Конармией три танковых полка (117 машин) и авиадивизию в составе двух штурмовых и двух истребительных полков [6, с. 449]. В плане операции, представленном в Ставку 15 ноября вопрос о средствах усиления уже был решен конкретно, причем не только за счет резервов Ставки, но и за счет резервов командующего фронтом. В состав Конармии должны были включены 140-я танковая бригада, 225-й и 134-й танковые полки, а также 65-я мотострелковая бригада в составе бронеавтомобильного, мотоциклетного и двух бронетранспортных батальонов, а также четыре отдельных бронеавтомобильных и мотоциклетных батальонов [5, л. 197]. Таким образом, Конармия получила даже большее усиление механизированными войсками, чем первоначально планировалось. Конармии также были приданы несколько противотанковых полков, полков ПВО и тяжелая артиллерия. Этими мерами командование фронта (и Ставка) рассчитывало устранить недостатки, выявившиеся в ходе кавалерийских рейдов Отдельного кавалерийского корпуса в сентябре и 4-го гвардейского кавалерийского корпуса в октябрь-ноябре, проводившихся недостаточными силами и плохо обеспеченными средствами усиления.

Одновременно шло формирование управления армии и сосредоточение кавалерийских войск на левом берегу Терека. К 20 ноября сюда прибыли все семь кавалерийских дивизий, имевшихся в составе Закавказского фронта – 30, 63, 110-ю и 9, 10, 11-ю и 12-ю гвардейские кавалерийские дивизии (не считая двух дивизий дислоцированного в Иране 15-го

кавалерийского корпуса). Формирование Конной армии планировалось закончить к 25 ноября [5, л. 197].

Итак, Конная армия должна была стать крупным постоянным конно-механизированным объединением, все войска которого обладали бы значительной мобильностью, поддерживались и прикрывались с воздуха собственной авиацией. Она была бы первым объединением подвижных войск в Красной армии с однородным составом. И в этом отношении имела значительное преимущество перед другими подвижными объединениями, создававшимися в 1942 г., в которых подвижные соединения сочетались с общевойсковыми, что замедляло их продвижение и заметно снижало эффективность таких армий как фронтового средства развития успеха (достаточно вспомнить опыт 5-й танковой армии в контрнаступлении под Сталинградом). Однородные танковые армии впервые были использованы в Курской битве летом 1943 г. Следует отметить и то, что Конная армия существенно отличалась от получившей в годы войны широкое распространение формы использования кавалерии – в сочетании с танками и мотопехотой в составе конно-механизированных групп. Последние носили временный характер, создавались в сжатые сроки на период наступательных операций фронтов, поэтому, особенно в первый период войны, иногда имели существенные недостатки, вытекавшие из самой их природы, в первую очередь – низкую слаженность штабов, а отсюда – плохое управление войсками, перебои в снабжении и т.д. (примером может послужить конно-механизированная группа Северной группы войск, созданная 7 января 1943 г. для преследования отступавших с Терека войск противника). Но в целом даже эти временные конно-механизированные объединения хорошо зарекомендовали себя в бою и заслужили высокой оценки советского верховного командования, которое в 1944 г., подводя итог действиям кавалерии в современной войне, отмечало: «Опыт наступательных операций Красной армии 1943–1944 годов показал, что там, где кавалерийские соединения используются массированно, где они усиливаются механизированными и танковыми соединениями и поддерживаются авиацией, там, где они применяются на открытых флангах противника для удара по его тылам или для преследования... там кавалерийские соединения всегда дают хороший боевой эффект» [11, с. 303]. Все эти факторы были учтены в период создания Конной армии, поэтому командование фронта и Ставка не без оснований возлагали на новое объединение большие надежды. Следует отдать должное инициативности и настойчивости командующего фронтом И.В. Тюленева, добившегося возможности использовать имевшуюся в его распоряжении кавалерию наиболее целесообразным способом.

Конной армии ставилась задача, действуя двумя тесно взаимодействующими кавалерийскими группами при поддержке механизированных войск и авиации, овладеть районом Ачикулак, Каясулу и затем развивать наступление в глубину обороны противника в направлении Александровская, Георгиевск. По достижении этого рубежа Конная армия занимала круговую оборону и частью сил действовала навстречу стрелковым соединениям, наступавшим с юго-востока [5, л. 197–199].

Смелый и решительный план командования Закавказского фронта в целом нашел поддержку в Ставке, однако подготовка наступления должна была занять немало времени: крупная группировка войск должна была сосредоточиться южнее Терского хребта в районе Малгобека; гвардейские стрелковые корпуса, понесшие тяжелые потери в боях за Орджоникидзе, нуждались в значительном доукомплектовании. Формирование Конной армии только начиналось: к моменту начала контрнаступления под Сталинградом не было закончено формирование управления армии, три из семи кавалерийских дивизий армии имели большой некомплект личного состава и материальной части, большинство частей усиления еще не прибыло. Чтобы сократить время на подготовку контрнаступления план пришлось существенно изменить в сторону его упрощения.

19 ноября он был утвержден в Ставке в том виде, в каком он обычно представлен в литературе о битве за Кавказ. Отныне главный удар наносился войсками 9-й армии из района Кирово, Нарт, Фиагдон в направлении Дигора, Урух с целью окружения алагирской группировки врага. Вспомогательный удар в обход узла сопротивления в районе Ищерская, Сборный, Старо-Леднев в общем направлении Шерпутовский, Безорукин наносили войска 44-й армии. Сосредоточенному в районе Терекли-Мектеб 4-му гвардейскому кавалерийскому корпусу предписывалось предпринять рейд по тылам противника с целью их дезорганизации

в направлении Степное, Соломенское, Советская, Солдатская. По выходе ударной группы 9-й армии в район Дигора, соединения 37-й армии должны были ударить на Чикола, Урух. Часть сил 44-й армии и 58-я армия прикрывали грозненское и махачкалинское направления [12, с. 206–211]. Формирование Конармии 20 ноября было отменено, а ее средства усиления были распределены между двумя гвардейскими кавалерийскими корпусами – 4-м и вновь сформированным 5-м Донским. Кавкорпусам были поставлены отдельные задачи [6, с. 452].

Вынужденное изменение замысла операции Северной группы войск, и сокращение сроков на ее подготовку оказало существенное влияние на ход наступления. Подготовка проходила в спешке, ряд частей оказались недоукомплектованными. Так, 5-й гвардейский кавалерийский корпус к началу действий фактически не имел ни штаба, ни тылов, ни частей усиления. Войска 9-й армии не успели завершить перегруппировку и создать ударные группы, зачастую не хватало времени даже на рекогносцировку районов предстоящих действий. К тому же начало наступления 9-й армии было перенесено с 30 на 27 ноября. Ударная группировка 44-й армии состояла из необстрелянных, плохо обученных и низко дисциплинированных национальных дивизий.

Результаты

Почти с самого начала, несмотря на героические усилия советских бойцов и командиров, наступление войск Северной группы захлебнулось. Дивизии 9-й армии, действовавшие в сложных условиях сильно пересеченной гористой местности, несли тяжелые потери и не имели продвижения. Наступавшие по левому берегу Терека войска 44-й армии и 4-го и 5-го гвардейских кавалерийских корпусов в ожесточенных боях достигли лишь тактического успеха. Повсеместным явлением были частые нарушения связи, потеря управления войсками, плохое взаимодействие войск с танками, артиллерией и авиацией, неуверенные, шаблонные действия командиров всех уровней [13, с. 430–431]. Так, в течение 2–5 декабря командир 402-й стрелковой дивизии 44-й армии не мог наладить управления частями, полки заблудились в однообразной степи, перемешались. В результате дивизия была уничтожена танками и мотопехотой противника [14, л. 247–259]. Наступающие войска, особенно в начале операции, очень плохо обеспечивались боеприпасами, теплым обмундированием, горячей пищей, медицинским обслуживанием [15, л. 135].

Уже 9 декабря начальник штаба Закавказского фронта генерал-лейтенант А.И. Антонов вынужден был констатировать: «В результате 11-ти дневного наступления войска Северной группы... значительного успеха не достигли, понесли большие потери, и план наступательной операции фактически был сорван» [16, л. 202]. Перенесение основных усилий на левый берег р. Терек, где к концу первой декады декабря наметился определенный успех, не привел к существенным результатам. Советским войскам приходилось наступать из полупустынной безводной местности, многие недостатки не были устранены. Командование группой проявило излишнюю осторожность, не вводя свежие силы массированно, держа в резерве крупную танковую группу, насчитывавшую более 100 танков. Противник использовал свое преимущество в подвижности, быстро перебрасывая силы на угрожаемые участки. В итоге к концу месяца 44-я армия, выполнявшая главную задачу, «фактически выдохлась» [17, л. 6], но так и не смогла прорвать вражескую оборону и выйти к Моздоку. В ходе декабрьского наступления многие части и соединения Северной группы войск Закавказского фронта проявили исключительный героизм. Хорошо известен, например, подвиг минометчиков 133-го минометного полка, которые в отрыве от остальных войск в условиях окружения в течение восьми часов отражали ожесточенные атаки вражеских танков. Благодаря грамотному построению обороны, стойкости бойцов и командиров, полк практически без потерь закончил бой, нанеся противнику тяжелые потери. Случаев, подобных этому, было множество.

1 января 1943 г. противник, опасаясь того, что кавказская группировка в результате успешного наступления советских войск Юго-Западного и Южного фронтов в направлении Ростова может оказаться в мешке, начал отводить 1-ю танковую армию из района Моздока в северо-западном направлении в надежде закрепиться на новых рубежах. В этот же день войска Северной группы, готовившиеся к возобновлению наступления, начали преследование врага. В январе-феврале 1943 г. от немецких войск была очищена большая часть Северного Кавказа.

Заключение

Из-за неудовлетворительной подготовки и обеспечения наступления, связанных с необходимостью синхронизировать его с наступательными действиями фронтов сталинградского направления, Северной группе войск не удалось добиться окружения и разгрома 1-й танковой армии врага. Однако важная для успеха Сталинградской операции задача по сковыванию сил противника в целом была выполнена: врагу удалось перебросить на сталинградское направление только две подвижных дивизии, причем в очень истощенном состоянии. Так, прибывшая в середине декабря в распоряжение командующего 4-й танковой армии 23-я танковая дивизия 1-й танковой армии располагала не многим более двадцати танков и никакого влияния на ход боев не оказала [18, с. 370]. Таким образом, войска Северной группы войск Закавказского фронта внесли свою лепту в великую победу на Волге и дальнейший разгром немецко-фашистских войск в ходе зимней наступательной кампании советских войск 1942–1943 гг.

Благодарности

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований № 14-01-00300 «Большая излучина Дона – место решающих сражений Великой Отечественной войны (1942–1943 гг.)».

Примечания:

1. Тюленев И.В. Крах операции «Эдельвейс». Орджоникидзе: Ир, 1988. 176 с.
2. Горьков Ю.А. Кремль. Ставка. Генштаб. Тверь, 1995. 320 с.
3. Тюленев И.В. Через три войны. М.: Воениздат, 1972. 240 с.
4. ЦАМО РФ. Ф. 399. Оп. 9385. Д. 20.
5. ЦАМО РФ. Ф. 209. Оп. 1063. Д. 31.
6. Русский архив: Т.16.(5-2) Великая Отечественная. Ставка ВГК: документы и материалы. 1942г. М.: Терра, 1996. 624 с.
7. Горшков С.И., Овчаренко И.В. Донской Гвардейский: Очерк о героическом пути 5-го гв. Донского казачьего Краснознаменного Будапештского кавалерийского корпуса. Ростов-на-Дону: Ростов. книж. изд-во, 1985. 159 с.
8. Воскобойников Г.Л. Казачество и кавалерия в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945. Ростов-на-Дону: Терра-Принт, 1995. 211 с.
9. Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. Кн. первая. М.: Воениздат, 1981. 315 с.
10. Сборник документов Верховного Главнокомандования за период Великой Отечественной войны. Вып.2. Январь-декабрь 1942. М.: [Б.и.], 1945. 425 с.
11. Волкогонов Д.А. Сталин. Кн. 2. М.: АСТ, Новости, 1999. 702 с.
12. Битва за Кавказ / Под ред. ген.-лейт. С.П. Платонова. М., б.и., 1954. 411 с.
13. Русский архив. Т.23. Великая Отечественная война. Т.12 (2). Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны. Документы и материалы. 1942 г. М., Терра, 1999. 503 с.
14. ЦАМО РФ. Ф. 1726. Оп. 1. Д. 9.
15. ЦАМО РФ. Ф. 209. Оп. 989. Д. 1.
16. ЦАМО РФ. Ф. 47. Оп. 1063. Д. 436.
17. ЦАМО РФ. Ф. 399. Оп. 9385. Д. 29.
18. Манштейн, фон Э. Утерянные победы. Москва – Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. 896 с.

References:

1. Tjulenev I.V. Kraх operacii «Jedel'vejs». Ordzhonikidze, 1988. 176 s.
2. Gor'kov Ju.A. Kreml'. Stavka. Genshtab. Tver', 1995. 320 s.
3. Tjulenev I.V. Cherez tri vojny. M.: Voenizdat, 1972. 240 s.
4. CAMO RF. F. 399. Op. 9385. D. 20.
5. CAMO RF. F. 209. Op. 1063. D. 31.
6. Russkij arhiv: T.16.(5-2) Velikaja Otechestvennaja. Stavka VGK: dokumenty i materialy. 1942g. M.: Terra, 1996. 624 s.

7. Gorshkov S.I., Ovcharenko I.V. Donskoj Gvardejskij: Oчерk o geroicheskom puti 5-go gv. Donskogo kazach'ego Krasnoznamennogo Budapeshtskogo kavalerijskogo korpusa. Rostov-na-Donu: Rostov. knizh. izd-vo, 1985. 159 c.
8. Voskobochnikov G.L. Kazachestvo i kavalerija v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941 – 1945. Rostov-na-Donu: Terra-Print, 1995. 211 c.
9. Shtemenko S.M. General'nyj shtab v gody vojny. Kn. pervaja. M.: Voenizdat, 1981. 315 s.
10. Sbornik dokumentov Verhovnogo Glavnokomandovanija za period Velikoj Otechestvennoj vojny. Vyp.2. Janvar'-dekabr' 1942. M., b.i., 1945. 425 c.
11. Volkogonov D.A. Stalin. Kn. 2. M. AST, Novosti, 1999. 702 s.
12. Bitva za Kavkaz./ Pod red. gen.-lejt. S.P. Platonova. M., b.i., 1954. 411 c.
13. Russkij arhiv. T.23. Velikaja Otechestvennaja vojna. T.12 (2). General'nyj shtab v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. Dokumenty i materialy. 1942 g. M., Terra, 1999. 503 c.
14. CAMO RF. F. 1726. Op. 1. D. 9.
15. CAMO RF. F. 209. Op. 989. D. 1.
16. CAMO RF. F. 47. Op. 1063. D. 436.
17. CAMO RF. F. 399. Op. 9385. D. 29.
18. Manshtejn, fon Je. Uterjannye pobedy. Moskva – Rostov-na-Donu: Feniks, 1999. 896 s.

УДК 93/94

**Сталинград и Северный Кавказ: два контрнаступления.
Опыт взаимодействия советских войск в период операции по окружению
и уничтожению сталинградской группировки противника.
Ноябрь – декабрь 1942 г.**

Алексей Юрьевич Безугольный

Научно-исследовательский институт военной истории ВАГШ ВС РФ, Российская Федерация
Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
119330 Москва, Университетский проспект, 14
E-mail: besu111@yandex.ru

Аннотация. В статье дан анализ попыткам наладить оперативно-стратегическое взаимодействие между фронтами сталинградского направления и Закавказским фронтом, оборонявшим Северный Кавказ. Незадолго до начала контрнаступления под Сталинградом в середине ноября 1942 г. Закавказскому фронту была поставлена задача окружить и уничтожить основные силы 1-й немецкой танковой армии, действовавшей на грозненско-бакинском направлении. Однако в силу ряда объективных и субъективных причин этот замысел не удалось воплотить в жизнь.

Ключевые слова: битва за Кавказ; Сталинград; Северная группа войск Закавказского фронта; И.В. Тюленев; И.И. Масленников.